

Отечественная история

УДК 930(092)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-1-65-71

П.А. Афанасьев

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЯДОВОГО ПРОВИНЦИАЛА: ПИСЬМА Е.П. КЛЕВАКИНА 1870–1880-х гг.¹

Статья посвящена анализу писем провинциального чиновника Е.П. Клевакина, охватывающих 1875–1885 гг. Уникальный по полноте сохранности и концентрации в одном месте комплекс писем одного автора положен в основу характеристики объема и интенсивности писем, числа и состава их адресатов, целевых установок автора при написании писем и их сознательном сохранении в числе своих рукописей. Диалоговый характер писем, осознаваемый их автором, вместе с выделенными аспектами свидетельствуют об уверенном существовании Е.П. Клевакина в развиваемой и поддерживаемой им системе его эпистолярных отношений.

Ключевые слова: письма, эпистолярные источники, Е.П. Клевакин, Урал, Сибирь, Томск.

P.A. Afanasiev

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

THE EPISTOLARY HERITAGE OF AN ORDINARY PROVINCIAL: LETTERS BY E.P. KLEVAKIN 1870–1880s.

The article is devoted to the analysis of the letters of the provincial official E.P. Klevakin covering 1875–1885. The unique complex of letters by one author in one place in terms of completeness of preservation and concentration is the basis for the description of the volume and intensity of the letters, the number and composition of their addressees, the author's target guidelines for writing letters and their conscious preservation among his manuscripts. The dialogue nature of the letters recognized by their author together with the highlighted aspects testify to the confident existence of E.P. Klevakin in the system of his epistolary relations developed and maintained by him.

Key words: letters, epistolary sources, E.P. Klevakin, Ural, Siberia, Tomsk.

Письма как одна из разновидностей источников личного происхождения далеко не часто привлекают внимание исследователей. Во многом это связано со спецификой их социального функционирования и последующего сохранения. Являясь актами коммуникации, письма полностью зависели от личностей их авторов и адресатов, а также отношений между ними. Это же определяет сохранность эпистолярных источников, поиск которых зачастую очень затруднен. Адресный характер писем создает сложности их выявления и концентрации по авторскому признаку. Сохранность писем зачастую зависела от известности корреспондентов, в силу чего письма рядовых представителей социума, попадающие в распоряжение исследователей, оказываются, скорее,

исключениями. Можно привести пример чудом сохранившейся в Тюменском архиве и не столь давно опубликованной переписки крестьянской семьи Жернаковых, охватывающей 1881–1898 гг. [1]. Большим хронологическим охватом интересно эпистолярное наследие другой социальной группы – нескольких поколений красноярской купеческой семьи Ларионовых, изучаемое и вводимое в научный оборот Е.В. Комлевой [2].

В этом ряду, несомненно, значимыми выступают письма Евгения Поликарповича Клевакина, представляющие эпистолярное наследие рядового провинциального чиновника Урала и Западной Сибири 70–80-х гг. XIX в. Несмотря на их десятилетний хронологический охват и удивительную компактную сохранность в его личном фонде в

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00448.

Государственном архиве Алтайского края, данные письма, в отличие от других материалов Е.П. Клевакина, практически не привлекали внимания исследователей. Опубликованы были лишь единичные их примеры [3, с. 33–36], а изучение всего их комплекса не было предметом исследовательского интереса. Несомненно, на это повлияла исключительно региональная известность личности их автора как дореволюционного чиновника и общественного деятеля Барнаула, вступающая в противоречие с малочисленностью во всем комплексе писем, относящихся к Алтаю. Начатое несколько лет назад изучение и публикация документального наследия Е.П. Клевакина убедительно показали уникальность сохранившегося его эпистолярного наследия, не характерную для авторства рядового жителя провинции [4, с. 69–70; 5, с. 117]. Поэтому изучение всего сохранившегося комплекса его писем приобретает актуальность как в рамках исследования отдельных эпистолярных комплексов, так и культуры провинциальной повседневности. Начатое ранее исследование отдельных сторон писем Е.П. Клевакина [5–7], в настоящей статье продолжается анализом элементов эпистолярных отношений¹, характеризующих рассматриваемые письма как единый источниковый комплекс.

Сохранившийся в личном фонде массив писем Е.П. Клевакина охватывает период в 10 лет и один месяц. Первое письмо датировано 19 августа 1875 г. [10, л. 2], последнее из этого комплекса относится к 10 сентября 1885 г. [11, л. 93]. Концентрации писем автора в одном месте способствовал он сам: в личном фонде отложились не оригиналы, отправленные адресатам, а авторские отпуски-копии писем. Е.П. Клевакин аккуратно переписывал отсылаемую корреспонденцию в специально заведенную им для этой цели конторскую книгу. За десять лет сформировалось пять таких книг [10–14], в которые, кроме писем, были также записаны подаваемые автором прошения в учреждения и корреспонденции, отсылаемые в редакции газет. Помимо текста самих писем, Е.П. Клевакин фиксировал место назначения письма, его адресата и дату написания. Позже на полях книг он осуществил нумерацию внесенных в них копий корреспонденций [5, с. 118–119]. Однако доведя ее последовательность до номера 323, Е.П. Клевакин по каким-то причинам бросил это занятие, не продолжив ее до последнего записанного письма.

Отмечаемые исследователями для второй половины XIX в. тенденции распространения переписки на более широкие слои населения и усиле-

ния ее утилитарности [9, с. 11] достаточно долго могли обходить стороной Е.П. Клевакина. Его образ жизни до осени 1875 г. не предусматривал какой-либо существенной активности по написанию и отправке писем. Проживая с родными с момента обучения в заводской школе безвыездно в Кушве, Евгений Поликарпович до начала 1870-х гг. связывал свою службу и жизнь с этим местом, сформировав там же круг своих интересов и знакомств [4, с. 10–13]. Редкими и непродолжительными были отъезды Е.П. Клевакина из Кушвы, связанные с делами службы (например, в Нижний Тагил весной 1865 г. для покупки сена на завод [4, с. 167–168; 15, с. 38]) или личными потребностями (покупка лошадей на конной ярмарке в Невьянске летом 1868 г. или поиск места службы в Павде в начале осени 1874 г. [4, с. 174, 208; 15, с. 119]). В такой повседневной обстановке письма как средства общения и поддержания социальных связей играли для молодого человека вспомогательную роль и, скорее всего, сводились к единичным необходимым случаям.

Нельзя сказать, что писать письма Е.П. Клевакин начал только с момента ведения книги копий своих корреспонденций. В его дневнике с 1864 г. до даты первой записанной им копии письма в августе 1875 г. имеются сведения об 11 отправленных письмах. Из них два являлись подписками на газеты [15, с. 74], одно было отправлено от имени матери ее сестре-монахине [15, с. 76]. Из оставшихся писем только три были отправлены Евгением Поликарповичем его ближайшим друзьям, уехавшим в другие места жительства [15, с. 114, 142]. Эти отправления относятся лишь к 1873 и 1875 гг. Кроме этого, достоверно известно еще о пяти письмах, не упомянутых в дневнике. Их адресатом было Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге, сохранившее в протоколах своих заседаний сведения о полученных письмах Е.П. Клевакина. Они были связаны с его членством в научном объединении и касались просьб о высылке бланков для наблюдений, вопросов о членстве [16, с. 92–93, 121, 138; 17, с. 157]. В одном из писем обществу сообщалось о совместном с молодым ботаником П.Н. Крыловым посещении уральской горы Качканар летом 1874 г. Часть письма с этим описанием была опубликована в «Записках» общества [17, с. 145–147]. В итоге, до начала систематической записи копий отправленных писем достоверно известно о 16 письмах, отосланных Е.П. Клевакиным с 1864 г. Половина из них приходится на время с 1873 г., и

¹ Термин «эпистолярные отношения» был предложен и раскрыт И.В. Кобак [8, с. 145–146; 9, с. 13].

при всей фрагментарности указаний на них свидетельствует о вхождении эпистолярного жанра в жизнь Евгения Поликарповича как важного и необходимого для него средства коммуникации, связанного с его кругом общения и интересов.

Вынужденные перемены в жизни Е.П. Клевакина, связанные с выходом в отставку с заводской службы, оставлением семьи в Кушве и отъездом в Пермь, с осени 1875 г. разрушили устоявшуюся повседневную среду и круг его общения [4, с. 17–22]. Неудивительно, что сразу по приезду в Пермь с сентября 1875 г. написание писем наряду с дневником стало для него одним из способов времяпрепровождения. Преодолевая одиночество и скуку, написание писем в какой-то мере давало ощущение общения, столь необходимого Евгению Поликарповичу. Кроме того, письма помогали ему установить необходимые контакты в надежде получить более обеспеченное место службы. В дальнейшем в течение всего десятилетнего периода сохранившихся писем мотивы их написания почти не менялись. С 1875 по 1885 г. Е.П. Клевакин часто переезжал и менял места службы, заводя новые знакомства. Переписка позволяла развивать их и поддерживать старые дружеские контакты, обмениваться произошедшими событиями жизни и вести дела. Поэтому сохраненные автором письма свидетельствуют о значительной возросшей роли писем в его жизни в это десятилетие, не характерной для предыдущих лет размеренной жизни.

В сохранившихся книгах всего внесено 418 отправлений, исходивших от Е.П. Клевакина. Из них 24 составляют различные прошения и заявления, еще 8 представлено корреспонденциями в газеты. Таким образом, за десятилетний период авторской фиксации сохранилось 386 писем. Их распределение по годам с общим ежегодным числом адресатов представлено в таблице 1.

Исходя из представленных в таблице данных, можно посчитать, что в среднем Е.П. Клевакин писал и отправлял 3 письма в месяц. Среднегодовой объем переписки составлял 38 писем. Как видно из таблицы, данные за 6 лет близки к этому среднему показателю. Однако выделяются периоды явной интенсификации эпистолярной работы Е.П. Клевакина. Так, активность по отправке писем в первые четыре месяца 1875 г. волне объяснялась одинокой жизнью их автора в Перми и стремлением продолжить посредством писем общение с близкими ему людьми. Эти же мотивы объясняют большое число писем в 1883 г.: в связи с переездом в Томск Евгений Поликарпович описывал своим знакомым особенности сибирской жизни.

Таблица 1

Распределение писем Е.П. Клевакина и их адресатов по годам написания

Год	Число зафиксированных писем	Число адресатов
1875 (с 19 августа)	34	19
1876	34	17
1877	42	29
1878	21	13
1879	45	28
1880	19	15
1881	25	18
1882	35	21
1883	70 (55)	26
1884	44 (30)	33
1885 (до 10 сентября)	17	14

Примечание: в данных за 1883 и 1884 г. указано общее число отправленных писем и в скобках их количество без учета повторения одинаковых поздравительных писем нескольким адресатам. Подсчитано по: [10–14].

Вместе с тем в периоды размеренной жизни на одном месте число писем ожидаемо сокращается. Так, в 1880–1881 гг. Е.П. Клевакин, казалось бы, надолго закрепился на службе в Пермской контрольной палате. Формирование круга знакомств в губернском городе, сохранение из прежнего круга общения только наиболее близких людей заметно сократили его переписку в эти два года. Вместе с тем сокращение переписки могло быть связано и с возросшей занятостью Евгения Поликарповича. Этим можно объяснить заметное сокращение числа писем в 1878 и 1885 гг. В первом случае новая служба в купеческой конторе в Екатеринбурге, по признанию самого Е.П. Клевакина, не оставляла ему никакого свободного времени [13, л. 27 об.]. Это же произошло и во втором случае, после поступления Е.П. Клевакина на службу в Бийск помощником окружного исправника. Возможно, что к этому добавилось ослабление связей с уральскими знакомыми, за исключением лишь самых ближайших лиц [11, л. 72]. К тому же в бийский период жизни Е.П. Клевакин окончательно прекратил вести дневник, переключившись на запись рассказов из своей жизни [15, с. 15]. Возможно, что новые формы письменной активности оставляли меньше времени для эпистолярных занятий.

По признанию самого Е.П. Клевакина, его увлекал процесс написания писем: «Уж если буду писать, то запишу весь лист» [15, с. 186]. Письма он писал на почтовой бумаге. Наиболее важные

из них он предварительно писал на черновике, затем переписывая набело. На составление и подготовку таких писем могло уходить до двух-трех дней [15, с. 184, 202]. Письма знакомым Евгений Поликарпович, скорее всего, писал сразу же, без черновика, иногда в связи с этим оправдываясь перед ними: «Я не умею писать так, как обыкновенно, а будто разговариваю, как говорю, так и пишу» [13, л. 8 об.]. Независимо от характера почерка, единицей объема письма для автора служил лист почтовой бумаги. По косвенным признакам можно предположить, что Е.П. Клевакин соблюдал эпистолярный этикет во внешнем облике корреспонденций, используя для частных писем форматы *in quarto* и *in octavo*, рекомендуемые для обыкновенных писем и переписки с близкими людьми. При этом лист бумаги сгибался пополам, образуя четыре страницы для письма и не допуская отрывания половины листа, остающейся чистой [18, с. 3]. Так, черновое письмо начальнику Уральских заводов И.П. Иванову, написанное «кругом на листе», по оценке Е.П. Клевакина, набело «на почтовой бумаге запишется два листа» [15, с. 202]. Другое письмо, чуть меньшее по объему, адресованное другу С.А. Александрову, Евгений Поликарпович рассчитывал записать в лист, для чего постарался «писать более уписисто (т. е. убористо. – П.А.)» [10, л. 87 об.]. Третье письмо, отправленное другу и сослуживцу по Перми И.В. Капачинскому из Томска, Е.П. Клевакин оценил как большое, хотя по объему оно было несколько меньше предыдущего примера [12, л. 61 об.]. Сопоставимое по размерам с отправлением И.В. Капачинскому письмо своему дяде А.С. Пестову Е.П. Клевакин оценил как длинное [12, л. 55]. Из этих наблюдений можно понять, что письмо, целиком занимавшее сложенный почтовый лист формата *in quarto* (независимо от плотности почерка), оценивалось Е.П. Клевакиным как большое. Исходя из оценки их объема, к подобным письмам в полный почтовый лист из имеющегося комплекса можно предположительно отнести около 80 (22 % от всего числа). Писем, превосходящих средние объемы и охватывающих два почтовых листа, было меньше, к ним можно отнести около 24 писем (7 %). Всего же к письмам, которые по объему могли охватывать от одного до двух почтовых листов, можно оценочно отнести 142 письма, составляющих 40 % всего сохранившегося эпистолярного комплекса Е.П. Клевакина. Остальные письма составляют небольшие записки, отчеты в различных поручениях, поздравления, которые могли даже уместиться на лист или пол-листа формата *in octavo*. Такое

соотношение объемов писем Е.П. Клевакина позволяет говорить, что в них в достаточно равной мере нашли отражение многие функции эпистолярного жанра: и коммуникация со знакомыми, и передача информации, и поддержание социально значимых связей.

Но главной функцией писем для Е.П. Клевакина являлось общение. Диалогичность письма как основная особенность этого жанра [9, с. 11–12] очень четко прослеживается в рассматриваемом эпистолярном комплексе. Сам автор писем неоднократно, как в дневнике, так и в письмах, подчеркивал свою любовь к занятию эпистолярным жанром. «Как я люблю писать письма своим знакомым», – отметил он в дневнике через месяц после приезда в Пермь в 1875 г. [15, с. 186]. Нередко переписку инициировал сам Евгений Поликарпович, первым посылая письма своим знакомым и рассчитывая на получение ответа от них [13, л. 10 об.]. Изначальное ожидание диалога и общения и готовность к ним характеризовали большинство писем автора. Сам он в одном из писем довольно точно описал эту черту такими словами: «Вообще я считаю интересным писать письма и получать на них ответы, а если ответов не получается, то весь интерес пропадает» [12, л. 31 об.].

Диалоговость переписки в понимании Е.П. Клевакина, по-видимому, предполагала и отбор адресатов из довольно обширного круга общения. Автор отмечал: «Право, не знаю, кому написать письмо, хоть написать всем можно, да никто, пожалуй, не ответит» [14, л. 28 об.]. Если ответа не было, то и Е.П. Клевакин не предпринимал новых попыток установления переписки: «Так как ответа не последовало, поэтому я и не пишу» [12, л. 31 об.]. Отсутствие ответов, особенно от постоянных адресатов, автор объяснял тем, что они «не интересуется моею жизнью» [12, л. 31 об.]. Из этой фразы можно предположить, что в письменной коммуникации Е.П. Клевакин полагал себя главным звеном, отводя адресатам подчиненную роль слушателя или собеседника.

Ожидая ответа от собеседников, Е.П. Клевакин в эпистолярном диалоге сам был далеко не безупречен. Огорчаясь фактом неполучения писем от своих адресатов и полагая, что «никто мне ничего не пишет, все как будто забыли меня» [11, л. 72], сам он нередко поступал похожим образом. Можно полагать, что ответы на полученные письма Евгений Поликарпович не писал сразу, за исключением каких-то срочных или волнующих его тем. Его письма постоянным корреспондентам часто содержат извинения за длительное (иногда годовое) молчание в ответ на полученные

от адресатов письма [11, л. 34 об., 46 об.; 12, л. 10, 25 об., 31 об., 33 об., 36, 43, 69, 75; 13, л. 9 об.; 14, л. 50 об., 70 об.]. В случаях чрезвычайной занятости автор осознавал свою вину в нарушении своих же принципов поддержания переписки. Так, в период службы в екатеринбургской конторе купца В.Н. Бахарева Евгений Поликарпович вынужденно констатировал в письме С.А. Александрову: «Действительно, более года я не писал тебе. Пожалуйста, прости меня в этом... Ведь вот до чего дошло, а раньше сам начинал писать» [13, л. 9 об.–10]. Некоторые из знакомых, вероятно, пеняли Е.П. Клевакину на эту его черту ведения переписки, с чем он был вынужден соглашаться, отмечая: «Пишу тебе под влиянием замечания, что я перестал переписываться с тобой» [12, л. 69].

Число адресатов писем Е.П. Клевакина за десять лет достигло 136 человек. Интенсивность отправки им писем представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Интенсивность отправки писем адресатам
Е.П. Клевакина**

Число писем адресату	Число адресатов	Процент от общего числа адресатов
1	61	45
2	27	20
3–4	29	21
5–9	11	8
10 и более	8	6

Подсчитано по: [10–14].

Из данных таблицы видно, что большинство корреспондентов Е.П. Клевакина были единичными. Письма к части из них носили служебно-деловой характер и не предполагали ответной реакции. С некоторыми переписка ограничивалась двумя письмами, что вряд ли можно назвать полноценным эпистолярным диалогом. Таким образом, отмеченное выше опасение Е.П. Клевакина, что из обширного круга знакомых многие не ответят ему, скорее всего, подтвердилось в реальности. В числе таких редких адресатов оказались даже родственники. Но если в редкой переписке с теткой по матери вина, в основном, лежала на самом Евгении Поликарповиче, то с мужем своей покойной сестры переписка не сложилась, вероятно, по нежеланию адресата. Лишь шестая часть всех корреспондентов составила устойчивый костяк переписки. Очевидно, по отношению к ним Е.П. Клевакин рассчитывал на интерес и обоюдность переписки. Из них по наибольшему числу писем выделяются три человека. Это Е.А. Соловьева, приятельница семьи Е.П. Клева-

киных со времени службы и проживания в Баранче в 1874 г., к которой было отправлено 20 писем. Близки к ней по объему переписки дядя Е.П. Клевакина А.С. Пестов, живший в Кушве, и давний знакомый автора, его кум А.Н. Гилев. К каждому из них было отправлено по 16 писем.

Среди адресатов Е.П. Клевакина были люди разной степени взаимоотношений с ним. Круг друзей и близких знакомых разных лет насчитывал 11 адресатов. С большинством из них переписка поддерживалась вплоть до переезда в Сибирь, хотя и не отличалась регулярностью. По числу писем эта группа адресатов заметно отделяется от других наибольшим числом корреспонденций к ним. Круг родных в числе адресатов Е.П. Клевакина немногочисленен, всего 8 человек. Письма к ним, за исключением дяди А.С. Пестова, были достаточно редкими. Остальная часть адресатов была представлена вышестоящими по службе лицами, дальними знакомыми по прежним местам жизни и службы, а также приятелями, переписка с которыми быстро сходилась на нет.

Обращает внимание, что среди адресатов записанных Е.П. Клевакиным писем полностью отсутствуют члены его семьи. Так, при знакомстве с корпусом его писем странным кажется отсутствие писем к жене при явном благоговейном и почтительном отношении к ней в письмах к другим лицам. Тем не менее из дневника видно, что эти письма были. Для Е.П. Клевакина, вынужденного оставить семью в Кушве, в 1875 г. жена оказалась одним из главных адресатов. В дневнике за период с сентября по декабрь 1875 г. зафиксирована отправка 17 писем жене [15, с. 237], т. е. почти еженедельно. Учитывая, что с семьей Евгений Поликарпович смог увидеться и воссоединиться лишь в начале 1877 г., можно уверенно говорить, что переписка с женой была основной в эпистолярном общении автора в это время. Также сохранились отдельные упоминания писем, отправляемых детям в период их обучения в гимназии вдали от дома [11, л. 76 об.; 13, л. 45 об.].

Учитывая, что в книги корреспонденций Евгений Поликарпович вносил даже незначительные телеграммы и явно разовые случайные письма, тем заметнее становится отсутствие семейных писем. При этом они даже не упомянуты в книгах корреспонденций хотя бы заголовками или адресатами и в нумерацию корреспонденций также не включены. Очевидно, такой шаг был сделан Е.П. Клевакиным вполне осознанно. Как и в случае с дневником, на страницы которого семейные отношения также практически не попали [15, с. 19], семейная переписка, очевидно,

рассматривалась как явление глубоко личное, не попадающее в разряд общей переписки. И если дневник служил личным пространством самого Евгения Поликарповича, то семейная переписка обозначала интимное пространство всей семьи, строго охраняемое от посторонних глаз. В отличие от писем другим адресатам, семейная переписка могла сохраняться в семье в подлинном виде, в любое время оставаясь доступной к прочтению, без обращения к дополнительным книгам и записям. Это решало проблему семейной памяти и в какой-то мере защищало границы семейного пространства независимо от дальнейшей судьбы книг с записями Е.П. Клевакина.

Сознательное невключение семейных писем в корпус сохраняемой Е.П. Клевакиным эпистолярной ставит вопрос о цели этого занятия автора. Следует учесть, что оно было начато в период вынужденного одиночества автора, возникшего в его жизни впервые. Поэтому вполне вероятно, что запись отправленных писем была сродни ведению дневника. Таким образом, Евгений Поликарпович не только преодолевал скуку, но и мог вновь обратиться к содержанию отправленных писем. Сам он отмечал, что любит «иногда читать свое писание, особенно если старое письмо» [15, с. 177], и эти его слова вполне объясняют стремление сохранить отправленные им письма. Со временем запись писем, видимо, переросла в устойчивую привычку и практику документирования, сопровождавшую всю его последующую письменную деятельность [5, с. 120].

Рассмотренные аспекты охватывают лишь часть факторов, характеризующих эпистолярные

отношения Е.П. Клевакина. Комплексная и достаточно полная сохранность писем одного автора – рядового жителя провинции – предоставляет достаточно редкую возможность оценить их не как часть эпистолярного комплекса, состоящего из писем и ответов, а как источник, последовательно и полно раскрывающий эпистолярную культуру отдельного человека. Поэтому за внешними характеристиками интенсивности и объема писем Е.П. Клевакина, общей численности его адресатов можно обнаружить предрасположенность автора к написанию писем и его ожидание диалога с адресатами. Безусловно, на это повлияли обстоятельства жизни Е.П. Клевакина, отказавшегося от размеренной жизни в одном месте ради выслуги и достойного обеспечения жизни своей семьи. Сознательное создание автором копий писем для их сохранения сближает их с его мемуаристикой по возлагаемой на них функции. Но в случае с письмами эта память оказывалась опосредована не только личными впечатлениями, желаниям и целевыми установками самого Е.П. Клевакина, как это было в его дневниках. Диалоговый характер писем, осознаваемый автором, позволял ему сохранить контекст общения, который вряд ли был уместен для передачи в дневнике, но был вполне логичен в письмах. Отсутствие сохраненных ответов на письма со временем лишь усилило их взаимосвязь с дневниками и воспоминаниями автора. Характеристики объема переписки и широты адресатов демонстрируют в целом уверенное существование Е.П. Клевакина в развиваемой и поддерживаемой им на протяжении десятилетия системе его эпистолярных отношений.

Библиографический список

1. Йокояма О. Б. Письма русских крестьян: тексты и контексты: в 2 т. / авториз. пер. М. А. Осиповой, А. В. Тер-Аванесовой и С. Н. Ушаковой. М., 2014.
2. Комлева Е. В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. Новосибирск, 2016.
3. Скубневский В. А. Будни и праздники Горного округа. Из фонда Евгения Поликарповича Клевакина // Судьбы. Барнаул, 1996. С. 30–43.
4. Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: сборник документов. Т. 1 / изд. подгот. П. А. Афанасьев. Барнаул, 2017.
5. Калашников А. А., Афанасьев П. А. Эпистолярное наследие провинциального чиновника Е. П. Клевакина: внешние особенности авторского документирования // Педагогическое образование на Алтае. 2020. № 1. С. 116–121.
6. Калашников А. А. Частная и деловая переписка в жизни провинциального чиновника последней четверти XIX в. (на примере эпистолярного наследия Е.П. Клевакина). URL: <http://www.archiv.ab.ru/pic/file/gul11mat/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%90.%D0%90.%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).
7. Карпенко Е. А. Информационный потенциал документов личного происхождения (на примере писем Е.П. Клевакина периода жизни в Перми. 1875 г.). URL: http://www.archiv.ab.ru/pic/file/gul11mat/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

8. Кобак И. В. Семейная переписка Гаевских 1820–1880-х гг. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
9. Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2012. № 2. С. 142–149.
10. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 29.
11. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27.
12. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26.
13. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28.
14. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30.
15. Клевакин Е.П. Дневники (1864–1886 гг.): сборник документов / отв. ред. П. А. Афанасьев. Барнаул, 2019.
16. Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 1. Вып. 1. Екатеринбург, 1873.
17. Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 2. Вып. 2. Екатеринбург, 1877.
18. Новейший полный письмовник для всех сословий, содержащий в себе две части / сост. Алексеев. Изд. 2-е. М., 1879.